

Вступительное слово

А.И. Неклесса

Уважаемые коллеги!

Наше сегодняшнее заседание семинара посвящено обширной, глубокой теме. Во многих отношениях, я бы даже сказал, центральной теме нашего семинара. И хотя у всех на руках имеется план работы, все-таки позволю себе еще раз озвучить тематику заседания полностью: *«Христианская цивилизация, система основных ценностей, формы организации знаний, культурная и социальная реализация, прогноз. Мировой опыт и российская ситуация»*.

Прежде чем передать слово докладчику, попытаюсь прочертить некую условную рамку или точнее обратить внимание на некоторые узловые моменты предстоящего действия, хотя жизнь показывает, что заданные параметры — это одно, а реальный разговор — нечто, живущее собственной жизнью. Как вы хорошо понимаете, объем темы и диапазон точек зрения по данному вопросу требуют далеко не одного заседания. Мне видятся две точки отсчета, два проблемных комплекса сегодняшнего разговора: это, во-первых, феномен христианской цивилизации со всеми оттенками и различиями ее палитры и, во-вторых, культурно-историческая специфика, идентичность российской государственности.

Правомерно возникает вопрос: что такое цивилизация? Правомерно, поскольку само это понятие неоднозначно. С одной стороны цивилизация — категория, которая в рамках европейской гуманитарной науки (коль скоро мы пользуемся данным термином) появилась в конце XVIII в. трудами маркиза Мирабо. Интересно, что категории *цивилизация* у него предшествовало понятие *цивилизованности, политеса*. Иначе говоря, цивилизация понималась как определенный статус и одновременно формула поведения, причем по своей корневой основе приведенные выше слова непосредственно связаны с городской культурой. Но, что

существеннее, это понимание в данном случае *цивилизации* как определенной фазы социальной динамики, которая идет на смену *архаике* и *варварству*.

Иное понимание цивилизации, которое получило в современном мире даже большее распространение, это идущее еще от Данилевского (а заодно, следует, наверное, упомянуть Шпенглера) понимание цивилизации как культурно-исторического типа, в наши дни, впрочем, чаще всего связываемое с именем Тойнби. Можно также увидеть некий, понижающий культурные трактовки инвариант, прочно увязывающий культурно-историческую специфику, *цивилизационную морфологию* с определенной мировоззренческой основой. Предлагая, таким образом, общие миростроительные матрицы для достаточно разных культурно-исторических типов.

«Христианская цивилизация» — категория, относимая именно к такому комплексному прочтению. Хотя в *Universum Christianum*, причем еще в пору его зарождения и экспансии, можно было наблюдать различные версии миростроительных замыслов. Тем не менее, привнесение в мир суммы фундаментальных ценностей предопределило генезис ряда важнейших культурных и социальных реализаций.

Общество «новой эры» отличается такими специфическими чертами, как особое понимание человеческой личности, ее роли и неотъемлемых прав, принципиального равенства людей, их свободы и много другого. Из чего вытекли важные следствия: строительство общества несословного, гражданственного (не в последнюю очередь в результате появления горожанина, бюргера, прототипа будущего «среднего класса», «имеющего отечество»), постулирование национального государства, публичной политики. А также появление индустриальной, инновационной экономики, т. е. экономики расширенного воспроизводства, сменившей прежнее, статичное понимание хозяйственной жизни, основанное на принципе универсального баланса. Но этот же транзит предопределил новый круг социальных извращений как в отношении человека, так и природы. Однако я,

кажется, забегаю вперед, вторгаясь уже непосредственно в тематику предстоящего разговора.

Скажу только, что при всех модификациях, отклонениях и версиях (западноевропейской, колониальной, североатлантической, коммунистической) христианская цивилизация и порожденное в ее недрах секулярное общество Модерна выстроили — где-то в период между Берлинской конференцией и окончанием I-й мировой войны — первый формат общепланетарной социальной конструкции. Став, таким образом, не только доминантной, но и глобальной формулой мироустройства.

Очевидно, что подобная трактовка истории требует многих уточнений и вызывает многочисленные возражения, как сама по себе, так и по многим сопряженным с нею ситуациям. Аргументы же в подобной дискуссии могут оказаться весьма острыми, даже болезненными и весьма непростыми для обсуждения.

Скажем, на планете присутствуют китайское, индийское, мусульманское, а также другие сообщества, преодолевшие прежний колониальный или полуколониальный статус, и, тем не менее, они действуют в современном мире, руководствуясь правилами, которые в своих основаниях заданы исторической эпохой Модерна. Иначе говоря, их кодекс поведения, международный регламент, поведение элит predeterminedены принципами миропорядка, произведенного культурой, сформулировавшей эти принципы исходя из вполне определенной мировоззренческой позиции.

Но не менее очевидно, что время подобного положения вещей истекает, как в сфере «большой политики», так и во все чаще вскрывающихся противоречиях повседневной жизни, наподобие недавнего «карикатурного скандала» или неурядиц, связанных с совмещением принципов функционирования гражданских институтов и религиозных предписаний (ношение специфической одежды, общенациональное празднование религиозных праздников и т. п.). И как следствие модель секулярного устройства оказывает-

са все более уязвимой. Надеюсь, откровенный и в то же время квалифицированный обмен мнениями по данному кругу вопросов позволит уяснить нечто важное в происходящем на планете цивилизационном сдвиге...

Однако я все же отвлекся от основной нити рассуждения.

Другим проблемным узлом, о котором, к сожалению, придется высказаться короче (я надеюсь, впрочем, наверстать упущенное уже в ходе дискуссии), является разговор о российской культурно-исторической идентичности и о системе ценностей, связанной с православным мировоззрением и мироположением. Здесь также таится немало как подводных, так и вполне очевидных рифов.

На протяжении тысячелетней истории мы видим достаточно различные ипостаси Руси и России, и естественным образом возникает вопрос: *что же есть Россия?* Исторически Россия была Новгородско-Киевско-Владимирской Русью, составной частью Золотой Орды, Московским царством, Российской империей, Россией в образе СССР, наконец, сегодня мы видим новую Россию — Россию-РФ. Будучи исторически, «генетически» связанными между собой это, тем не менее, достаточно различные формы существования культурно-исторического типа.

Но наряду с историческим или, так сказать «возрастным», *диахронным* вектором мы видим *синхронную* множественность форм государственной реализации многоцветия «русских стран», связанных между собою определенной культурно-исторической позицией. Ведь одновременно с Московским царством существовала Южно-западная Русь, которую мы знаем под именем Великого княжества Литовского и Русского, существовала также Новгородская республика, чья территория далеко не ограничивалась Ладожским озером, но уходила далеко на север и на восток — за Уральский хребет и т. д.

Таковы рамки, не столько, пожалуй, ограничивающие, сколько подчеркивающие широту предстоящего разговора.

При обсуждении, думаю, возникает, *во-первых*, проблема языка, на котором будет вестись дискуссия, и, *во-вторых*, вопрос о гармоничном соотношении (1) собственно богословских аспектов темы, (2) рассмотрения «идеальной формулы» культурной и социальной реализации столь специфической системы ценностей и (3) анализа действительного, исторически сложившегося положения вещей. В общем, в некотором смысле возникает проблема *икономии истории*, или соотношения «идеала сущего» и «идеала должного».